

12+

Олег Кондратьев

СЕРДЦЕ СИНЕГО ПОЧТАЛЬОНА

Уютная сказка
для взрослых
из серии
«У нас в Котофеевке»
с иллюстрациями
Рины Зенюк

Олег Кондратьев

**Сердце синего почтальона.
Уютная сказка для взрослых
из серии «У нас в Котофеевке»
по иллюстрациям Рины Зенюк**

«Издательские решения»

Кондратьев О.

Сердце синего почтальона. Уютная сказка для взрослых из серии «У нас в Котофеевке» по иллюстрациям Рины Зенюк /
О. Кондратьев — «Издательские решения»,

«Сердце синего почтальона» — уютная сказка для взрослых из серии «У нас в Котофеевке» по иллюстрациям известной художницы Рины Зенюк. Синий кот Василий приезжает в деревню Котофеевка на должность почтальона. Он думал, что нашел тихую гавань, но не ожидал, что именно здесь его сердце заговорит громче всего. Баян, подаренный ему Штопаным, обладает странной силой: он помогает слышать не только музыку, а мысли и чувства других.

© Кондратьев О.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Сердце синего почтальона
Уютная сказка для взрослых
из серии «У нас в Котофеевке»
по иллюстрациям Рины Зенюк**

Олег Кондратьев

Иллюстратор Рина Зенюк

© Олег Кондратьев, 2026

© Рина Зенюк, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-3414-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

В которой синий кот Василий прибывает в Котофеевку, обретает загадочный баян и «встречает» белую кошечку в красных сапожках

Старенький автобус высадил единственного пассажира, потом скрипнул дверьми, чихнул, плюнул облаком сизого дыма и укатил по своему маршруту. Прибывший с ним синий кот Василий остался стоять на обочине. В одной лапе он держал потёртый коричневый чемодан, в другой — увесистый кофр с баяном внутри. С плеча свисал мольберт средних размеров.

Мельком глянув на свои командирские часы, Василий отметил, что они показывают 11, и тотчас поспешил в сторону деревни, поскольку его подгоняла беспокойная записка в кармане: «Котофеевка. Отделение связи №7. Явиться к 10:00».

Аккуратная приземистая деревушка открылась перед ним сразу за поворотом. Василий увидел небольшие избышки с резными наличниками, отметил непременно когтеточки у каждого крыльца и разнообразие цветов перед заборами. На подоконниках, как и полагалось, стояли горшки с весёлой мятой, от которых сладко кружилась голова даже у самых степенных жителей деревни. Заборы из традиционных штакетников скорее намекали на условную границу между участками, чем её обозначали. То тут, то там через них переваливались ветки со спелыми яблоками и сливами.

Булыжная мостовая, по которой он шёл, требовала особого внимания — камни лежали не совсем ровно, будто каждый со своим характером, и каблук мог предательски соскользнуть, если шедший был слишком задумчив.

Пока Василий топал в сторону почтового отделения, из-за каждого забора его провожали внимательные усаые взгляды. Коты делали вид, что полют грядки, починяют заборы или просто любят бездонным небом — но успевали разглядеть всё, вплоть до застёжек на сапогах. Возможно, вновь прибывший для жителей Котофеевки — это особое событие, ну а если за его плечами баян — предположим, что это уже праздник!

Василий шёл и раздумывал, что всё это деревенское великолепие «надо бы изобразить». Пройти по улочкам с мольбертом и «поймать», как избышки стоят плечом к плечу, как свет

ложится на булыжники неровно, где каждый камень имеет свою тень, чем занимаются местные, как они проводят время. Городской глаз Василия воспринимал все эти картинки свежо и ярко. Привычка смотреть на мир как на потенциальный рисунок была у него с детства и давно стала «фоновым шумом» для такой творческой личности.

Чуть поодаль он заметил над большим домом необычный флюгер в виде рыбы. «Хороший силуэт, простой. Вот это точно нарисую». Флюгер, несмотря на наличие ветра, не вертелся. «Может, как и я — был недавно установлен и тоже не чувствует себя уверенно», — почему-то подумалось Василию.

А пахло на улице хорошо — мятой с подоконников, древесным дымком из трубы, свежескошенной травой и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в местах, где живут давно и никуда не торопятся.

Почтовое отделение №7 находилось в низеньком доме с голубыми наличниками и геранью на подоконнике — такой старой и разросшейся, что она занимала всё окно и явно считала себя полноправным работником почты...

Подойдя к двери, Василий прочёл табличку: «Обед с 13:00 до 14:00», а чуть ниже, уже от руки и мелко: «а ежели Зинаида Петровна не в духе — то до 15:00, а то и до 16:00». Он толкнул дверь, та скрипнула и впустила его внутрь. За стойкой сидела пожилая кошка в очках и вязала нечто бесконечно синее — «не то шарф, не то судьбу», успел подумать Василий, прежде чем ему задали вопрос.

— Новый почтальон из города? — спросила Зинаида Петровна, не отрывая глаз от спиц.

— Он самый, — бодро ответил Василий. — Здравствуйте! Меня зовут...

— Да знаем, как тебя зовут! Нам телефонировали, — прервала его начальница почты и посмотрела поверх очков очень внимательно, как смотрят таможенные работники. Затем продолжила, несколько смягчившись: — Будешь жить в комнате за углом, второй двор. Ключ лежит под ковриком. Маршруты озвучу завтра... Рыбу в общий холодильник на почте не класть — там моя. А баян по вечерам — не позже десяти: у нас Пантелей Фомич с соседней улицы нервный, — добавила она, покосившись на баян. Затем снова углубилась в вязание, дав понять, что разговор окончен, «подписан и скреплён печатью».

...Комнатка оказалась маленькой, но уютной, с низким потолком на деревянных балках и окном прямо на улицу. Кровать с матрасом у стены, стол у окна, печка в углу. Пахло свежим деревом, чуть — топлёным молоком и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в домах, где долго жили хорошие коты.

Василий поставил чемодан, пристроил свой баян у стены и распахнул окно. Где-то позвякивало блюдечко, далеко тарахтел трактор. За соседским забором переговаривались вполголоса.

Щёлкнув замками чемодана и откинув крышку, Василий принялся разбирать вещи. В дверь неожиданно постучали. Коротко, по-хозяйски...

На пороге возник пожилой кот. Маленький, щуплый, в ушанке набекрень, в ватнике, застёгнутом на все пуговицы, кроме верхней. Вид у него был такой, словно зашёл совершенно случайно, — но похоже, давно это планировал и, возможно, даже репетировал. Под мышкой у него виднелся... потёртый кофр.

— Штопаный, — сказал дед и протянул лапу. — Зовут меня так. Я — сосед с правой избы. Слышу — кто-то приехал. Дай, думаю, зайду. Ты не против?

— А, заходите, — гостеприимно откликнулся синий.

— Знаю, что Василий, что со своим баяном. У нас в Котофеевке все про всё знают, — сказал дед загадочно.

Он обошёл комнату по периметру, как делают опытные коты, когда им важно составить личное мнение. Постучал по стене — одобрительно, как доктор. Заглянул в печку, дёрнул форточку, поглядел на потолок. Наконец увидел баян (словно искал его) — и остановился.

— Играешь?

— Немного.

— Немного — это несерьёзно. — Штопаный помолчал. — У меня есть один инструмент. Старый. Хороший. На нём надо играть на новом месте — примета такая. Иначе не приживёшься...

Он положил свой кофр на стол и расстегнул — неторопливо, без лишних слов и очень бережно.

Внутри лежал баян. Старинный — сразу видно. Перламутровые пуговицы поблёскивали в свете лампочки. Меха вытерты так, что сквозь них, казалось, прошла не одна жизнь, а добрый десяток. Но не сломан, не запущен — ухожен, как ухаживают за вещью, которую любят, даже если не пользуются.

Василий осторожно провёл лапой по ладам, инструмент отозвался низко и неожиданно тепло.

— Играй только то, что по-настоящему хочешь, — наказал дед, надевая ушанку уже в прихожей. — Он слышит...

— Кто — он? — спросил вдогонку Василий.

— Доброго здоровья! — Штопаный ушёл. Скрипнула калитка во дворе — раз, и тишина.

Вечерело. Котофеевка готовилась ко сну, неторопливо, с достоинством. Гасли окна — одно, потом второе, потом сразу несколько.

Василий озабоченно сидел на кровати и держал на коленях баян Штопаного. Просто держал, привыкал к весу. Лапы тронули лады сами. Без умысла, без мелодии — просто так, чтобы комната перестала быть чужой. Баян отозвался тихо и ровно — глубоко, как большой добродушный зверь, которому наконец дали место у тёплой печки. Мелодия сложилась сама — медленная, без начала и конца.

Василий не заметил, как начал клевать носом. Веки отяжелели. Мелодия плыла.

Последнее, что он увидел перед тем как закрыть глаза, — огонёк фонаря за стеклом и чей-то силуэт на улице. Силуэт **белой кошечки в цветастом платке и красных сапожках**, которая шла мимо не спеша, прижимая к боку корзинку. У Василия ёкнуло в груди. Он её раньше не видел. Или видел? Кажется, улыбнулась. Ушла...

Баян вздохнул — протяжно, сам по себе — и замолчал.

Василий спал. А Котофеевка мурлыкала вокруг него тихонько, как и положено хорошей деревне.

Глава вторая

В которой выясняется, что громкий петух — это не так страшно, а иногда даже наоборот

Петух Кудах Назарыч появился на следующее после приезда утро — в шесть ровно, без предисловий, с криком такой силы и убеждённости, что Василий сел на кровати раньше, чем успел проснуться.

— Это что было? — спросил он у потолка.

— Я, — сказал Кудах Назарыч из-за двери. — Можно войти?

Он вошёл — молодой, задорный, с гребнем такого интенсивного красного цвета, что казалось, будто он только что отполирован. Оглядел комнату, оценивая, скорее, не жильё, а жильца. Одобрительно кивнул баяну у стены, потрогал занавеску, сел на табурет. Заметил на столе раскрытый альбом с нарисованными картинками:

— Это что?

— Альбом для рисования... Я рисую... Иногда.

— Меня нарисуешь?

— Посмотрим...

— Хорошо, — согласился петух и продолжил тоном, не допускающим возражений: — Я живу за стеной. Комната соседняя, через перегородку. Но по ночам иногда ухожу.

— Куда? — не понял Василий.

— В курятник. Во двор. Там мои куры, — пояснил Кудах Назарыч с такой естественностью, будто речь шла о совершенно обычном деле. — Понимаете, иногда не хочется одному ночевать. Они хорошие. Молчаливые.

Василий некоторое время смотрел на петуха, пытаясь понять, шутит ли тот. Петух не шутил.

— Подожди, — сказал Василий. — А как ты вообще здесь оказался? Это моя комната.

— Твоя — эта, в которой ты. Моя — та, в которой я. — Кудах Назарыч развёл крыльями. — Хозяин дома когда-то разрешил. Давно это было. Ещё при прежних временах. Я здесь всегда жил. Почти всегда.

— Хозяин дома?

— Да, но он уехал. Давно уехал... — Петух чуть помолчал. — Добрый был. Не выгонял. Но вряд ли стоит об этом подробнее!

Василий понял, что тема закрыта — негромко, но окончательно, как закрывают дверь, за которой таится неудобный разговор.

Так и стали они жить — кот и петух через стену, без особого уговора, просто по факту. Утром Кудах Назарыч орал в шесть — не со зла, а по природе, как светает, без разрешения. Потом гремел на кухне сковородкой, жарил глазунью из собственных яичных запасов и, судя по всему, был доволен собой и жизнью.

Василий вставал чуть после, пил чай с баранками и шёл служить на почту.

По вечерам на общей кухне за совместным чаем Кудах Назарыч докладывал Василию обстановку — подробно, обстоятельно, с именами, адресами и деталями, которых Василий не просил, но которые неожиданно оказывались полезными. Кто с кем в ссоре. Где чинят забор и зачем. Что Валерьяновна опять настояла валерьянку и раздаёт соседям под видом лекарства. А у Митрофана новая посылка с крючками — он доволен, а супруга нет.

Котофеевка благодаря петуху открывалась Василию быстрее, чем через почтовые маршруты. Подробнее и честнее.

Раза три в неделю, а то и чаще, Кудах Назарыч исчезал на ночь. Не предупреждал — просто не было его за стеной, и тишина была другой, более пустой. Утром возвращался с невозмутимым видом, с соломой в гребне и полным отсутствием намерений объясняться.

Курятник стоял в глубине двора — небольшой, аккуратный, с самодельной жёрдочкой и кормушкой. Её Кудах Назарыч явно смастерил сам, потому что она была кривоватой, хотя и прочной. Там обитали рыжие, флегматичные, совершенно невозмутимые куры. Они принимали петуха без лишних слов.

— Там спокойно, — сказал он однажды Василию за вечерним чаем. — Они не задают вопросов.

— А ты не любишь вопросов? — удивился кот, потому что пернатый, казалось, любил всё на свете.

— Смотря каких... — загадочно промолвил петух и налил себе ещё чаю.

Позже Василий понял, что в курятник Кудах Назарыч уходил не тогда, когда хотел побыть с курами, а когда хотел побыть без слов. Куры молчали профессионально. Это было их главное достоинство.

Тайну Кудах Назарыча Василий разгадал не сразу — через неделю, не раньше. Петух был общительным, шумным, знал всех и вся — но книг не читал. Никогда. Газеты обходил стороной.

Поначалу Василий думал, что ему не интересно. Потом присмотрелся: Назарыч слушал, когда Василий читал вслух. Всегда. Внимательнее, чем делал вид. Стоял в дверях или за стеной, и там, где перегородка была особенно тонкой, можно было порой услышать: тихо, почти беззвучно, как будто про себя — петух повторял слова вслед за чтецом.

— Не любишь читать? — спросил Василий однажды за ужином — осторожно, не в лоб.

— Люблю слушать, — ответил Кудах Назарыч ровно, не сморгнув и не замешкавшись.

— Это не одно и то же.

— Почти одно, — и немедленно сменил тему — легко, умело, словно практиковался в этом долго и по необходимости.

В ту ночь Кудях Назарыч ушёл в курятник. Куры молчали. И это, по всей видимости, было как раз то, что нужно.

К концу первой недели между ними сложился негласный договор, не подписанный и не обсуждённый, но оба знали его как Отче наш.

Кудях Назарыч орёт в шесть — Василий не возражает. Василий читает по вечерам вслух — Кудях Назарыч слушает, делая вид, что занят своим. Кудях Назарыч уходит ночевать к курам — Василий не спрашивает. Василий приходит с маршрута усталый — Кудях Назарыч ставит чайник без предисловий.

Так бывает с соседями: живут через стену, слышат дыхание чужого быта, и постепенно понимают — он не чужой. Просто другой. А разница между «чужим» и «другим» в Котофеевке оказалась меньше, чем Василий предполагал.

Глава третья

В которой Котофеевка рассматривает Василия со всех сторон — и остаётся в целом довольна

Обычно Зинаида Петровна выдавала Василию маршрутный лист в восемь ровно, без лишних слов, с достоинством работника с документами государственной важности. Маршруты были расписаны в три колонки: улица, номер дома, фамилия. Но присутствовала и четвёртая колонка, озаглавленная «Характер адресата (для ознакомления)».

Василий всегда задерживался на ней:

Вежливый...

Глуховат, звонить дважды...

Может угостить рыбой, не отказывайтесь — обидится...

Собака, кусается, но стыдится...

— Это обязательно читать? — как-то спросил Василий.

— Это обязательно помнить! — сказала Зинаида Петровна и добавила: — Маршрут сдать к шести вечера. Рыбу в холодильник не класть.

— Вы уже говорили про рыбу...

— И ещё скажу, — она посмотрела поверх очков. — Это важно.

Инструктаж был окончен. Она вернулась к вязанию — синему, бесконечному, непостижимому.

Уже у двери Василий обернулся:

— Зинаида Петровна, а здесь написано «собака кусается, но стыдится». Это как?

— Сам поймёшь, — сказала она, не отрываясь от спиц. — Дом пятьдесят девять, улица Лазарева.

На улице Василий снова почувствовал: за ним наблюдают. Не агрессивно — с интересом. Из-за занавесок, из-за заборов, сквозь щели в воротах. Котофеевка изучала его методично, как хороший бухгалтер изучает новую статью расходов: а вдруг пригодится?

Кудах Назарыч, который в первое утро увязался было следом «просто прогуляться», на ближайшем перекрёстке попрощался и свернул направо.

— Куда ты? — спросил Василий.

— Мне сюда, — петух исчез за углом с таким видом, будто у него важные дела. То есть с видом петуха. Впрочем, вид был одинаковый.

Первый дом на маршруте — Митрофан, улица Ромашковая, дом три. В скобках значилось: *«рыбак, коллекционирует снасти, при случае расскажет — не останавливайте, само закончится»*.

Дверь распахнулась раньше, чем Василий успел постучать — будто Митрофан стоял у двери и ждал. Был он крупным котом в изрядных годах, в рыбацком жилете с карманами, каждый из которых чем-то топорщился. Оглядел Василия с головы до ног — не враждебно, оценивающе, как смотрят на лодку, прикидывая: доплывёт или нет.

— Новый почтальон?

— Он самый.

— Городской?

— Городской.

— Вижу! — Он взял газету, сунул под мышку не глядя. — Сапоги купи. Резиновые, высокие. На Клеверной есть лавка, там Семён, скажи — от Митрофана, скидку сделает. Без сапог тут нельзя. У нас речка, болотце и вообще...

— Спасибо, учту.

— Рыбачишь?

— Немного.

— Немного — это несерьёзно. Приходи в субботу, покажу место. Там окуни — вот такие! — Митрофан развёл лапы на ширину, которая вряд ли могла соответствовать какому бы то ни было окуню, но выглядело это убедительно. — Сосед мой говорит: «Врёт Митрофан». Но сосед там не был, а я был. Значит, кто врёт — вопрос открытый.

Василий двинулся дальше, унося с собой совет про сапоги и стойкое ощущение, что на субботнюю рыбалку его уже записали.

Баба Буся, улица Луговая, дом пять. В скобках: *«Певунья, добрейшая, при разговоре может начать петь — не пугайтесь, это нормально»*.

Открыла сама, прежде чем он дошёл до крыльца, — видно, тоже стояла у окна. Баба Буся — маленькая, округлая кошечка в нарядном переднике и платке, повязанном бантом — не как все повязывают, а с особым шиком, по-котофеевски. Лицо у неё было таким добродушным, что хотелось немедленно рассказать ей что-нибудь хорошее.

— Новенький! — всплеснула она лапами так, будто давно ждала именно его и именно сейчас. — Заходи-заходи, пирог только из печки!

— Спасибо, мне бы...

— Квитанцию подпишу, а пирог у меня с яблоком, — заявила баба Буся тоном, не терпящим отказа, уже поспешая вглубь дома.

Пирог был действительно хорош. Пока Василий уплетал его — быстро, чтобы не задерживаться, — баба Буся поведала ему, что в Котофеевке живёт всю жизнь, что раньше пела в самодеятельности, что голос у неё и сейчас «ещё ничего», и что новый почтальон — конечно, хорошо, но старый, Пряник Тихонович, тоже был хороший, только ушёл на пенсию и часто спорит с Митрофаном о том, кто больше врёт.

— А ты поёшь? — баба Буся перешла к главному.

— Играю. На баяне.

— На баяне! — ахнула она, будто Василий сообщил, что умеет летать. — Так ты к нам в клуб приходи! У нас клуб «Мяу-Мяу», по субботам. Я там запеваала. Нам баянист нужен — наш Игнатъич «кони двинул» (прости, Господи) в прошлом году, царствие ему небесное, играл хорошо, но валерьянку пил безмерно...

И тут она сходу запела — негромко, но уверенно, прямо посреди фразы, как если бы слова сами собой перетекли в ноты. Что-то протяжное, деревенское, про поле и про осень. Василий не сразу понял, что это уже песня, а не продолжение разговора. Потом достал квитанцию и расписался сам — баба Буся самозабвенно пела. Оставил бандероль. Попрощался. Она помахала лапой, не прерываясь.

Мелодия провожала его до следующего двора.

Валерьяновна, улица Клеверная, дом два. В скобках ничего не было написано. Просто подчёркнуто два раза и восклицательный знак.

Дверь, само собой, открылась до того, как он поднялся на крыльцо.

— Ждали? — не удивился Василий.

— Видела в окно, — сказала Валерьяновна с достоинством. — Заходи, налью рюмку чая.

— Рюмку?

— Да! С настойкой. Для здоровья. Не бойся — валерьяна успокаивает. Я её знатно варю, деревенские не дадут соврать!

Валерьяновна была дамой неопределённого возраста — не старой и не молодой, а какой-то устойчивой, как хорошо поставленный самовар. Взгляд острый, передник чистый, в кармане передника явственно просматривалась небольшая бутылочка.

— Маршрут ещё длинный... — попробовал возразить Василий.

— Маршрут подождёт. Садись.

И это был не вопрос.

За двадцать минут Василий узнал: кто с кем в ссоре на Ромашковой и Клеверной (все со всеми, но по очереди); что у Митрофана жена уехала к сестре — «опять поругались из-за этих крючков»; что Пантелей Фомич с соседней улицы действительно нервный — «он и раньше-то был не в себе, а как вышел на пенсию, так совсем»; что в прошлом году в Котофеевку приезжал какой-то городской и хотел купить три дома — «не продали, конечно, мы не таковские»; и что новый почтальон — то есть он, Василий, — производит хорошее впечатление, «хотя городской, конечно, видно»...

— Вы всегда так? — спросил Василий, имея в виду разом всё: и настойку, и осведомлённость, и скорость открывания двери.

— В смысле? — не поняла Валерьяновна.

— Ну... знаете всё обо всех.

— А как же? — искренне удивилась она. — Я ведь живу здесь.

Уходя, Василий получил банку варенья («черничное, сам увидишь, как вкусно») и стойкое ощущение, что только что прошёл собеседование. И, похоже, справился.

Собака на улице Лазарева, 59 оказалась небольшим дворовым псом по кличке Буян — и это было первой неточностью в маршрутном листе, потому что Буян кусаться явно не собирався. Он вышел из будки, посмотрел на Василия, вильнул хвостом, лёг обратно в будку и отвернулся. Именно это, судя по всему, и было «стыдится».

Хозяина звали Прокопий Семёнович — вековой дед, сухой, молчаливый, с бровями такой густоты, что за ними можно было спрятать небольшой предмет. Он взял письмо, расписался, кивнул и уже закрывал дверь, когда вдруг обернулся:

— Ты на баяне, говорят, умеешь...

— Немного, — сказал Василий, и тут же дал себе слово перестать унижаться, потому что это явно производило на жителей Котофеевки кислое впечатление.

— Приходи в субботу в клуб, там решим... — велел Прокопий Семёнович и закрыл дверь. Буян из будки проводил Василия взглядом. Вздохнул. Отвернулся.

«Про клуб — это уже второй раз за утро. В Котофеевке, похоже, клуб — это что-то очень серьёзное. Надо уточнить у Кудях Назарыча, — подумал Василий.

Двенадцать домов. Семь разговоров. Четыре приглашения на чай (принято два). Одна рюмка чая с валерьяновой настойкой. Пирог с яблоком у бабы Буси. Банка черничного варенья. Собака, которая стыдится. Два упоминания клуба «Мяу-Мяу». Одна рекомендация купить сапоги. И ни одного, кто не знал бы его имени, ни одного — кто не знал бы про баян.

— И откуда они знают про баян? — спросил Василий вечером у Кудях Назарыча за чаем.

Петух пожал плечами с таким видом, что, конечно, мог бы объяснить, но не обязан:

— Котофеевка... Здесь знают всё. Я ж говорил.

— Ты не говорил. Штопаный говорил.

— А это примерно то же самое. Считаю, я говорил.

В ту ночь Кудях Назарыч ушёл в курятник. Василий лежал и смотрел в потолок. За окном Котофеевка потихоньку засыпала — с достоинством, неторопливо, как засыпают все, кому некуда торопиться и кто понимает, что завтрашний день никуда не денется. Деревня уже знала про него всё. Осталось ему узнать про неё.

Глава четвертая

В которой на почту приходят за посылкой — а уходят, оставив что-то невидимое

Она зашла в среду — нет, во вторник. Или всё-таки в среду. Василий потом не мог вспомнить точно — день недели вылетел, осталось другое. Осталось — как открылась дверь. Как качнулся колокольчик. Как лёг свет из окна.

Зинаида Петровна ушла на обед раньше положенного — «зуб», сказала она, хотя на морде у неё было написано «личное», и Василий тактично не уточнял. Он стоял за стойкой, разбирал накладные и думал о сапогах — Митрофан всё-таки был прав, и надо бы на рыбалку сходить, и вообще здесь хорошо, и вот уже вторая неделя как...

Дверь открылась. И вошла белая кошечка в цветастом платке и красных сапожках. С плетёной корзиной на локте и с тем особым видом, который бывает у пришедших по делу и знающих, чего они хотят. Подошла к стойке — уверенно, не оглядываясь, как ходят в знакомое место.

— Здравствуйте! Посылка для Степановой. Извещение вот...

У Василия в груди ёкнуло. Не больно. Просто — ёкнуло. Так бывает, когда нога нечаянно ступает не туда, и секунду не знаешь — упадёшь или нет. Он не упал. Но секунда была.

— Одну минутку, — сказал он голосом, который, к счастью, оказался совершенно нормальным.

Он нашёл посылку — небольшую, аккуратно перевязанную, с городским штампом и красивым почерком на лицевой стороне. Выдал. Она расписалась — быстро, привычно, не глядя на бланк. Подняла глаза — на секунду, ровно на ту её долю, что нужна для «спасибо». Улыбнулась — не ему лично, а так, в пространство, вежливо и тепло одновременно, как улыбаются хорошо воспитанные кошки незнакомцам.

И ушла.

Дверь закрылась. Колокольчик качнулся — раз-другой — и затих.

Василий стоял за стойкой. Смотрел на дверь. Потом — на квитанцию: Степанова Мурка, ул. Ливерная, 4. Потом снова на дверь.

Колокольчик уже не качался. Дверь была просто дверью. За окном стоял обычный котоевский полдень — кто-то проехал на велосипеде, у соседей звякнуло блюдечко.

Накладные лежали там же, где он их оставил. Он взял одну. Посмотрел. Отложил. Взял другую, но работа не шла.

И он вдруг остановился — карандаш завис над строчкой — потому что вспомнил... Первая ночь. Баян Штопаного на коленях. Мелодия, которая сложилась сама. Веки тяжелеют. И последнее, что он видел перед тем, как провалиться в сон, — огонёк фонаря за стеклом и силуэт на улице: белая кошечка в цветастом платке и красных сапожках шла мимо не спеша, прижимая к боку корзинку.

Значит не приснилось, он видел её ещё тогда! В первый же вечер, не зная ни имени, ни улицы, ни того, что у неё есть посылка из города и красивый почерк. Видел — это баян помог. А он решил, что это просто сон на новом месте, усталость с дороги, воображение.

«Играй только то, что по-настоящему хочешь. Он слышит». Что он слышит, Штопаный? Что именно?

Он сложил накладные в стопку, выровнял края. Встал. Налил себе молока. Выпил. Посмотрел в окно на пустую улицу.

Вернулась Зинаида Петровна — похоже, зуб прошёл, но настроение ещё не вернулось. Оглядела стойку, кивнула, молча взяла вязание. Василий передал ей смену, попрощался, вышел на улицу.

Котоевка провожала его к дому вечерними запахами — жареная рыба у Митрофана, пирог у бабы Буси, дым из трубы у Семёныча. Всё знакомое, за две недели стало даже привычным.

Дома Кудях Назарыч уже жарил яичницу. Не спрашивая, поставил на стол вторую тарелку. Поели молча. Потом петух всё-таки не выдержал:

— Как день?

— Нормально, — сказал Василий отрешённо.

Кудях Назарыч посмотрел на него — внимательно, чуть дольше, чем обычно смотрят на того, у кого всё нормально. Кивнул. Не стал пытаться дальше. Взялся мыть тарелки.

Той ночью Василий долго не мог уснуть. Лежал, смотрел в потолок. Баян Штопаного стоял у стены — молча светил в темноту перламутровыми пуговицами. Василий на него не смотрел. Но чувствовал — рядом стоит.

За окном чьи-то шаги по булыжнику, тихие, быстрые. Он не выглянул. Но прислушался. Шаги удалились.

Котоевка спала. Или делала вид.

Глава пятая

В которой Штопаный рассказывает то, что не рассказывал никому — или почти никому

Однажды Василий был приглашён на посиделки к Штопаному. И они засиделись на веранде допоздна — Валерьяновна танцевала с Митрофаном, баба Буся запела в четвёртый раз одно и то же, и Василий незаметно для себя уединился со Штопаным в горнице, с кружкой чаю в лапах и баяном на коленях.

— Я ведь акробатом был в цирке, — начал дед, помолчав. — Арчи Летучий меня звали. Смешно теперь, да? Под куполом летал. Без сетки.

— Почему без сетки? — спросил Василий.

— Потому что молодой был. А молодые всегда думают, что они летят и не падают.

Он отпил глоток. Свеча качнулась от сквозняка.

— Цирк назывался «Весёлая лапа». Директор — старый перс, нервный страшно, пил валерьянку перед каждым моим номером. Там же работал Фортунато. Дымчатый такой, на баяне играл между номерами. Читать мысли брался — за отдельную плату. Я считал его шарлатаном. Он считал меня идиотом. Мы дружили.

— И вот, сорвался я в Тявкино. Слышал про такую деревню? — Василий покачал головой. — Собачье место, в прямом смысле. Заехали туда по ошибке. Публика там была с характером: свистели, улюлюкали. Я вышел на трапецию — и что-то во мне взыграло. Думаю: я вам покажу, собаки сутулые! И решил сделать тройное сальто.

— Делали раньше? — тихо спросил Василий.

— Ни разу, — так же тихо ответил Штопаный. — Ни разу не делал и ни разу не репетировал. Просто взял — и решил. Первое сальто — хорошо. Второе — терпимо. На третьем понял, что лечу не туда. Знаешь, есть такой момент в воздухе — когда уже всё, и ты это чувствуешь, и ничего не поделать, только лететь до конца. Долгий момент. Я в нём, кажется, всю

свою жизнь вспомнил. Упал. Помню — тишина сначала. Потом — боль. Потом опять тишина, но другая, белая. Потом — потолок амбулатории и запах йода. Доктор Мурзилло оперировал два часа двадцать минут. Восемнадцать швов. Когда я очнулся — первое, что спросил у него, — где ушанка? Доктор потом говорил: именно по этому вопросу и понял, что жить буду. Так я стал Штопаным.

Когда очухался окончательно, первое, что увидел, — Фортунато. Сидит на стуле рядом, с баяном на коленях. Не играет. Просто сидит.

— Живой? — спрашивает.

— Угу, — отвечаю.

— Дурак, — говорит, без злобы. Скорее с облегчением.

— Цирк уехал, а Фортунато остался. Три дня сидел у койки — вот так, — Штопаный показал на стул у стены, — и мы играли в дурака, на мелочь. Проигрывал всегда он. Я до сих пор не знаю — нарочно или карты так шли. На третий день он поставил на кон свой баян.

— Не надо, — говорю. — Ты без него — не ты.

— Он у меня своё отыграл, Арчи. Показал мне всё, что нужно было увидеть. Теперь ему нужен кто-то другой. А у тебя — вон сколько времени впереди, лежи да думай.

— Я не умею на баяне!

— Этот не требует умения. Он требует, чтобы «было про что играть».

Фортунато надел шляпу — она у него была такая, с пером, нелепая совершенно, — и пошёл к двери. На пороге обернулся: «Играй только то, чего по-настоящему хочешь. Он слышит!». Я ему: кто — «он»? А дверь уже закрылась. — Больше я его не видел...

Штопаный замолчал надолго. Свеча догорала. Василий не шевелился — боялся спугнуть.

— На трапезию я больше не вернулся. Поселился в Котофеевке. И тут появилась Агафья.

Голос у него стал другим — не тише, а как-то глубже, так бывает, когда произносят имя, которое привыкли хранить бережно.

— Она первая не побоялась спросить про шрамы. Прямо так: «А это у тебя что?» Я говорю — упал. Она говорит: «Откуда?» Я говорю — с трапезии. Она говорит: «Высоко было?» Я говорю — высоко. Она подумала и говорит: «Наверное, красиво — оттуда смотреть». Не пожалела. Не ужаснулась. Просто — «красиво смотреть». Понимаешь?

Василий кивнул. Понимал.

— Той зимой я разобрал баян весь — до последней пружинки. Перебрал меха, почистил пуговицы, подогнал планки. Три месяца работал по вечерам, пока Агафья спала. Руки делали — а голова была вся там, рядом с ней. Когда собрал — взял, сыграл. Сам не знаю что. Просто пальцы пошли. И баян вдруг ожил — не звуком, а как-то изнутри. Будто вспомнил, зачем он. Агафья вошла, прислонилась к дверному косяку, послушала. Потом говорит: «Милый, ты про меня играешь». Я говорю — с чего ты взяла? Она говорит: «Слышно!».

Кот помолчал и продолжил:

— Когда Агафья умерла — я убрал баян в чехол. Не мог слушать. Баян слишком громко молчал...

Свеча догорела почти до основания. Штопаный потянулся, хрустнул суставами, поглядел в тёмное окно.

— А потом приехал ты. Слышу — говорят, баян привёз. Дай, думаю, зайду. Погляжу на приезжего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.